

© 2025 г. **Е.В. РОМАНОВА**

«ЦИВИЛИЗАТОРСКАЯ МИССИЯ» В ЭПОХУ ЗАКАТА ИМПЕРИЙ: БРИТАНСКИЕ ПОДХОДЫ К ОБОСНОВАНИЮ КОЛОНИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В 1940-е годы

Романова Екатерина Владимировна — кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия).

E-mail: ekaterinavlromanova@gmail.com

Scopus Author ID: 58154648200; ORCID: 0000-0001-6138-5109; Researcher ID: X-9780-2018

Аннотация. Цель статьи — выявить происшедшие под влиянием Второй мировой войны изменения в наборе идей и практик, которые использовались британской политической элитой для обоснования сохранения империи. Автор показывает, что ослабление британской мощи, универсалистская идеология США и развитие национально-освободительного движения в колониях стали факторами, способствовавшими выдвижению «новых стандартов прогресса», под которые Лондон вынужден был подстраивать как риторику, так и колониальную политику. Вместе с тем новое содержательное наполнение «цивилизаторской миссии» базировалось на долгой традиции развития колониальной идеологии в Великобритании, на фундаменте философии Просвещения и либерализма, заложенном в конце XVIII и в XIX в. Термин «опека», зародившийся в конце XVIII в., использовался для характеристики и легитимации британского господства над колониями вплоть до распада империи. Важнейшей новацией периода Второй мировой войны стало закрепление в представлениях об опеке ее связи с содействием развитию и благосостоянию колоний. Наряду с гуманитарной составляющей, направленные на решение этих задач законы 1940 и 1945 гг. преследовали цель обеспечить наиболее эффективное использование ресурсов британских владений для поддержания позиций метрополии на международной арене. Еще одной новацией стало появление идеи «партнерства», предполагавшей все большее привлечение местного населения к вопросам управления колониями. В политической сфере приближение перспективы обретения колониями независимости ставило на повестку дня в качестве одной из важнейших задач «опекуна» и «старшего партнера» подготовку лояльных Великобритании лидеров, что позволило бы обеспечить удержание влияния при передаче власти.

Ключевые слова: цивилизаторская миссия, Великобритания, внешняя политика, колониальная политика, деколонизация, Вторая мировая война, колониальное развитие и благосостояние.

E.V. Romanova

“Civilizing Mission” in the Era of Imperial Sunset: British Approaches to the Justification of Colonial Policy in the 1940s

Ekaterina Romanova, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

E-mail: ekaterinavlromanova@gmail.com

Scopus Author ID: 58154648200; ORCID: 0000-0001-6138-5109; Researcher ID: X-9780-2018

Abstract. The objective of this article is to identify the changes wrought by the Second World War in the body of ideas and practices utilized by the British political elite to rationalise the continued existence of the empire. The diminution of British influence, the universalist ideology of the United States, and the development of the national liberation movement in the colonies were all factors that contributed to the promotion of “new standards of progress”. London was forced to adjust its rhetoric and colonial policy accordingly. Concurrently, the novel interpretation of the “civilizing mission” was predicated on the long-standing tradition of the evolving colonial ideology in Great Britain, which was anchored in the intellectual and philosophical tenets of the Enlightenment and liberalism of the late 18th and 19th centuries. The concept “trusteeship”, which emerged in the late 18th century, served to describe and legitimise British rule over the colonies until the dissolution of the empire. The most significant innovation to emerge from the Second World War was the establishment of a framework for promoting colonial development and welfare that was firmly embedded within the concept of trusteeship. In addition to the humanitarian aspect, the 1940 and 1945 Colonial Development and Welfare Acts sought to ensure the most efficient utilization of the resources of the British possessions, thereby maintaining British influence in the international arena. In the political realm, the potential for the provision of self-governance or independence to colonial territories necessitated the urgent undertaking of educating local leaders who would be able to guarantee the preservation of British interests in the wake of a transition of authority. This endeavor, therefore, emerged as the paramount responsibility of the trustee.

Keywords: Civilizing mission, British foreign policy, colonial policy, decolonization, Second World War, colonial development and welfare.

История колониальных империй на протяжении XIX и части XX в. неразрывно связана с понятием «цивилизаторской миссии». Исследователь британской политики в Юго-Восточной Азии К. Уатт определил ее как «постоянно меняющийся набор идей и практик, используемых для оправдания и легитимации установления и сохранения заморских колоний как перед поработенными народами, так и перед собственными гражданами или подданными»¹. Цель данной статьи заключается в том, чтобы на примере Великобритании выявить те изменения в этом наборе, которые происходили в условиях кризиса колониальных империй, вызванного Второй мировой войной, ставшей одновременно прологом к их распаду.

Проявившееся в период войны ослабление мощи европейских империй сужало возможности силовыми или экономическими средствами поддерживать господство на периферии. Выдвижение на позиции сверхдержав США и СССР вынуждало считаться не только с их проектами геополитической организации мира, но и с антиколониальной идеологией. Фиксация в документах антигитлеровской коалиции и в Уставе ООН (хотя и с допущением существования несамоуправляющихся территорий) принципов равноправия и самоопределения народов, прав человека и основных свобод без различия расы, языка и религии привносила в систему международных отношений новые, не слишком благоприятные для колониальных империй нормы и правила. При всем различии ситуации в колониях и на зависимых территориях в годы Второй мировой войны ее события способствовали росту национального самосознания и активизации движения за большую степень самостоятельности, а порой — и за независимость от метрополий. Наконец, внутри европейских стран часто не было консенсуса в отношении задач и методов проведения колониальной политики.

Все эти проблемы в полной мере были характерны для Великобритании, обладавшей крупнейшей колониальной империей. На фоне внимания к конкуренции универсалистских проектов послевоенного мироустройства двух сверхдержав, часто упускается из виду тот факт, что и у Великобритании было свое видение мирового устройства, неотъемлемой частью которого являлось сохранение колониальных империй. Однако стремление отстоять право на их существование в послевоенном мире в условиях относительного ослабления

¹ *Watt C.A. Introduction: The Relevance and Complexity of Civilizing Missions c. 1800–2010 // Civilizing Missions in Colonial and Postcolonial South Asia: From Improvement to Development. London; New York, 2011. P. 1.*

британской мощи требовало нового обоснования колониализма. В Лондоне, особенно в колониальном ведомстве, это хорошо понимали. Так, директор по набору персонала в Министерстве колоний Р. Ферс в записке от 27 февраля 1943 г. указывал на наступление новой эры в колониальной политике. Выступая с предложением о реформе системы подготовки колониальных служащих, он предрекал, что им предстояло работать под перекрестным огнем критики, исходящей как из страны, так и от доминионов, иностранных государств и колоний². В документах середины 1940-х годов рефреном звучала мысль о необходимости «поставить империю на твердую моральную основу», «оправдать себя перед миром как великая колониальная держава»³. «Цивилизаторская миссия» в изменившихся условиях неизбежно должна была получить новое содержательное наполнение.

Оно базировалось на фундаменте тех идей, которые развивались в Великобритании на протяжении почти двух столетий. Англичане пытались убедить самих себя, мировое общественное мнение, верхи колониальных обществ в том, что их империя является просвещенной и либеральной. Именно эпоха Просвещения породила идею «опеки», которая стала одной из основополагающих в обосновании поддержания Британской империи вплоть до ее распада. Ее истоки в британской традиции возводят к речи Э. Бёрка, произнесенной 1 декабря 1783 г. в Палате общин британского парламента. Выступая за ограничение полномочий Ост-Индской компании и приводя в качестве аргументов ее многочисленные злоупотребления, Бёрк формулировал в духе философии своего времени общий принцип политической власти: «Политическая власть над людьми и все права и привилегии, на которые претендуют и которые осуществляют с исключением этих людей, будучи полностью искусственными и являясь отходом от естественного равенства человечества, должны тем или иным образом осуществляться в конечном итоге для их блага». Права и привилегии, таким образом, являлись доверительными, а право властвовать — опекой, осуществляемой во благо подданных⁴.

Либерализм XIX в. оказал влияние на развитие идеи «опеки». Колониальное управление стало рассматриваться как призванное помогать совершенствованию и трансформации колониального общества, а опека — как долг и миссия. Одним из наиболее значимых текстов, способствовавших формированию идеологии «цивилизаторской миссии» империи в Великобритании, стала опубликованная Джеймсом Миллем в 1817 г. «История Британской Индии»⁵. В написанной с позиции утилитаризма работе шотландский философ рассматривал Индию как поле приложения британской политики, призванной обеспечить хорошее управление в стране, которая в силу низкого, по оценке Милля, уровня цивилизации была не способна сделать это сама. Как отмечает исследователь британской и французской политической мысли нового времени Дж. Питтс, «хотя Милль никогда не верил, что управление Индией служило британским интересам и рассматривал британские законы и политику как глубоко порочные, неравноправные и часто несправедливые, он считал долгом Великобритании как прогрессивной и цивилизованной нации установить свое правление в Индии»⁶.

² British Documents on the End of Empire (далее — BDEE). Series A. Vol. 1. Imperial Policy and Colonial Practice 1925–1945 / eds S.R. Ashton, S.E. Stockwell. Pt. 1. Metropolitan Reorganisation, Defence, and International Relations, Political Change and Constitutional Reform. London, 1996. P. 27.

³ Ibid. P. 300; *Louis Wm. R.* Imperialism at Bay, 1941–1945: the United States and Decolonization of the British Empire. Oxford, 1977. P. 102–103. См. также: *Hyam R.* Britain's Declining Empire: the Road to Decolonisation, 1918–1968. Cambridge, 2006. P. 87.

⁴ The Speeches of the right honourable Edmund Burke, in the House of Commons, and in Westminster Hall. Vol. II. London, 1816. P. 411. См. также: *Bourke R.* Liberty, Authority, and Trust in Burke's Idea of Empire // *Journal of the History of Ideas*. 2000. Vol. 61. № 3. P. 453–471.

⁵ *Mill J.* The History of British India. Vol. 1–3. London, 1817.

⁶ *Pitts J.* A Turn to Empire: the Rise of Imperial Liberalism in Britain and France. Princeton, 2005. P. 125. См. также: *Knowles A.* Conjecturing Rudeness: James Mill's Utilitarian Philosophy of History and the British Civilizing Mission // *Civilizing Missions in Colonial and Postcolonial South Asia*. P. 37–63.

В либеральной риторике середины XIX – первой половины XX в. миссия обрела более четкое назначение: власть метрополии рассматривалась как временная, а ее цель состояла в том, чтобы подготовить колонии к самоуправлению. Однако в реальности до Первой мировой войны можно говорить о развитии в этом направлении лишь переселенческих колоний; и только потрясения мирового конфликта привели к постановке вопроса об универсальном характере подобного подхода. Одной из наиболее показательных с этой точки зрения является концепция «третьей британской империи», сформулированная историком, членом группы «Раунд Тейбл», экспертом, которого Форин офис привлекал к разработке условий послевоенного урегулирования, А. Циммерном в лекциях, прочитанных в Колумбийском университете в 1925 г. Послевоенная Британская империя, в интерпретации Циммерна, брала на себя миссию продвижения идеи свободы в глобальном масштабе. Веря в общность пути конституционного развития всех народов без различия расы, Циммерн видел практические шаги по реализации имперской миссии в подготовке колоний к созданию ответственных правительств⁷.

Безусловно, широкий спектр мнений по вопросу о целях и методах проведения колониальной политики не может быть сведен к подобному взгляду. Однако идеи Циммерна отражали растущую востребованность либеральной риторики для обоснования сохранения империи в период уже ясно обозначившегося относительного ослабления позиций Великобритании на мировой арене и идейных вызовов имперскому господству, которые исходили от США, Советской России, ширившегося национально-освободительного движения⁸. Казалось, что победившим в войне империям удалось устоять перед этими вызовами: введением мандатной системы идея опеки «передовых наций» над «отсталыми» фактически легитимировалась в международном праве. В то же время интернационализация вопроса о судьбе колоний (даже частичная, ограниченная владениями проигравших стран) была предвестником трансформации мирового порядка, в котором каждая колониальная империя представляла собой автономную систему.

Вторая мировая война, по справедливому замечанию У.Р. Льюиса, дала импульс как империализму, так и идеализму в политике Великобритании⁹. С одной стороны, опора на ресурсы империи была необходима для победы в войне и сохранения великодержавного статуса после ее окончания. С другой – в условиях мирового конфликта, имевшего ярко выраженную идеологическую составляющую, империя становилась для многих британских деятелей одним из средств самоидентификации, утверждения значимости своей страны и ее глобальной миссии. Причем нередко это утверждение происходило в противовес политике основного союзника – США, которые в годы войны выступали и в качестве чуть ли не главного критика колониальной системы¹⁰. Примечательно, что придерживавшиеся разных взглядов на цели и методы проведения колониального курса Великобритании профсоюзный деятель, лейборист, будущий министр колоний в правительстве К. Эттли А. Крич Джонс и консерватор, занимавший ряд министерских постов (в числе прочих – и главы колониального ведомства) в кабинетах У. Черчилля О. Литтлтон в один голос говорили о невежестве американцев, не понимавших всех сложностей и нюансов

⁷ Zimmern A. The Third British Empire being a course of lectures delivered at Columbia University. New York; London, 1926.

⁸ См. подробнее: Мирзеханов В.С. Идеологические тренды европейской колонизации в 1920-е – 1930-е годы // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2023. Т. 14. Вып. 10 (132). URL: <https://history.jes.su/s207987840028764-9-1/> (дата обращения: 25.04.2024). DOI: 10.18254/S207987840028764-9

⁹ Louis Wm. R. Op. cit. P. 103.

¹⁰ См.: Малкин С.Г., Буранок С.О., Левин Я.А., Нестеров Д.А. Колониальное знание в постколониальную эпоху: историческое моделирование асимметричных конфликтов. Т. 1. Историческое моделирование асимметричных конфликтов в эпоху «холодной войны». Самара, 2019. С. 44–59.

имперской политики¹¹. Эти горькие сожаления были не в последнюю очередь вызваны и тем, что как бы британские деятели ни относились к американским идеям о принципах мироустройства, они вынуждены были с ними считаться. Великобритании приходилось подстраивать свою систему под «новые стандарты прогресса», которые задавались уже не ими, а Вашингтоном и Москвой, правда, имевшей более ограниченное влияние в вопросах колониальной политики в силу того, что именно Советский Союз нес основное бремя ведения войны с нацистской Германией.

Сочетание империализма и идеализма в британской колониальной политике в годы Второй мировой войны, пожалуй, наиболее ярко проявилось в усилении внимания к вопросам развития и благосостояния колоний. Знаменательным стало принятие в 1940 г. соответствующего закона. Он предполагал выделение до 500 тыс. ф. ст. ежегодно на проведение исследований, способствующих его реализации, и до 5 млн ф. ст. ежегодно в течение 10 лет на развитие и благосостояние колоний. Также, согласно закону, Великобритания списывала значительную часть долгов своих владений¹². И его фактический автор М. Макдональд, до 13 мая 1940 г. занимавший пост министра колоний, а затем сменивший его на кресло министра здравоохранения, и А. Крич Джонс — один из ведущих спикеров лейбористской партии по колониальным вопросам в Палате общин, говорили о том, что законопроект означал реальное наполнение понятия «опека»¹³.

На первый взгляд может показаться, что обращение к вопросу материального развития колоний не являлось чем-то беспрецедентным. Так, известный колониальный деятель Ф. Лугард в 1922 г. опубликовал работу «Двойной мандат Британии в тропической Африке», где в качестве задач опекуна рассматривал как содействие прогрессу подчиненных народов, так и «развитие их материальных ресурсов на благо человечества»¹⁴. В 1929 г. был принят первый закон о развитии колоний. Однако кардинальное отличие от него закона 1940 г. заключалось не только в пятикратном увеличении объема ассигнований, но и в ориентированности инициативы 1940 г. прежде всего на нужды британских владений, тогда как в 1929 г. думали в первую очередь о том, чтобы посредством создания благоприятных условий для импорта из метрополии обеспечить занятость населения Британских островов. Существенно расширились возможности использования средств, которые, по словам Макдональда, могли быть направлены и на «развитие материальных экономических ресурсов той или иной территории», и на «все, что служит физическому, умственному или нравственному развитию колониальных народов, чьими опекунами мы являемся»¹⁵. Правительство декларировало готовность пойти на частичный отход от традиционной для британской политики доктрины финансовой самодостаточности колоний, которая заключалась в том, что даже при выделении метрополией средств на создание определенных объектов инфраструктуры, колонии должны были иметь возможность самостоятельно поддерживать их функционирование, а наличие или отсутствие элементов системы социального обеспечения зависело исключительно от их финансовых ресурсов. Отход был лишь частичным, поскольку достижение британскими владениями финансовой и экономической самодостаточности оставалось декларируемой целью правительства.

В итоге опасения того, что инициирование проектов по развитию и благосостоянию колоний будет требовать все новых и новых вливаний, удерживало их администрацию

¹¹ *Louis Wm. R.* Op. cit. P. 12; *Lyttleton O.* The Memoirs of Lord Chandos: an Unexpected View from the Summit. New York, 1963. P. 340.

¹² Colonial Development and Welfare Act, 1940 // URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1940/40/pdfs/ukpga_19400040_en.pdf (дата обращения: 12.05.2024).

¹³ UK Parliament. Hansard. HC Debates, 21 May 1940. Vol. 361. Col. 42–51, 54–63 // URL: <https://hansard.parliament.uk/commons/1940-05-21/debates/2bd500cc-7c39-41d3-bde9-9a0a46ca0471/ColonialDevelopmentAndWelfareBill> (дата обращения: 12.05.2024). Несмотря на уход с поста министра колоний, именно М. Макдональд представлял закон 1940 г. на рассмотрение Палаты общин.

¹⁴ *Lugard F.D.* The Dual Madate in British Tropical Africa. Edinburgh, London, 1922. P. 606.

¹⁵ UK Parliament. Hansard. HC Debates, 21 May 1940. Col. 46–48.

от подобных шагов. Назначенный в 1940 г. контролером по вопросам развития и благосостояния в Вест-Индии Ф. Стокдейл в одной из частных бесед указывал на то, что, например, реализация программы обязательного школьного образования на Ямайке потребует изменений и постоянных расходов, выходящих за рамки простого строительства школьных зданий. Необходимо было увеличить ежегодный набор в колледжи, готовившие учителей, со 150 до 1000 человек, построить и оборудовать помещения не только для школ, но и для колледжей, обеспечить постоянную заработную плату учителям. Наконец, экономика острова должна была позволить привлечь растущее количество молодых людей в сферу преподавания¹⁶. Колониальные деятели не без оснований сомневались в том, что зависимые территории в сколько-нибудь обозримой перспективе смогут самостоятельно поддерживать подобные программы развития.

Дебаты по законопроекту 1940 г. выявили готовность ряда британских парламентариев признать не во всем благотворное влияние политики метрополий на благосостояние колониально зависимых народов. В стенах Палаты общин раздавались голоса тех, кто осознал, что росту богатства британских владений препятствуют и структура колониальной экономики, и неравные для колоний условия торговли. Так, А. Крич Джонс приводил пример Северной Родезии, значительная часть доходов от экспорта меди которой оседала в карманах иностранных акционеров действовавших на территории Африки компаний, т.е. выводилась из страны¹⁷. Об инаковости африканской цивилизации, характеризуя ее как «цивилизацию натурального хозяйства» в противовес «западной цивилизации денег», говорил лейбористский политик Л. Хейден Гест. Он указывал на то, что приход «белого торговца» и стимулирование производства сельскохозяйственной продукции на экспорт подрывало возможности африканца вести традиционное хозяйство, обеспечивая собственное пропитание и пропитание своей семьи, и влекло за собой ухудшение, а не улучшение его жизненных стандартов. Примечательно, однако, что, утверждая необходимость сохранения туземных форм землепользования и, казалось бы, таким образом отходя от либеральной веры в универсальную ценность западных практик и опыта, Хейден Гест, по сути, возвращался к ней, надеясь на возможность примирения интересов западного капитала и туземного населения за счет рационального планирования, а также привлечения ученых и технических специалистов, чья экспертиза позволила бы существенно усовершенствовать методы ведения хозяйства на общинных землях и, соответственно, высвободить ресурсы для работы на экспорт¹⁸.

Как показала Е.В. Хахалкина на примере рассмотрения неудачи реализации масштабного проекта выращивания арахиса в Танганьике, относящегося к периоду пребывания у власти лейбористского кабинета К. Эттли, «научное планирование» как один из методов развития колониальной экономики было взято на вооружение послевоенными правительствами. Однако без учета африканских реалий (что оставалось слабым местом их деятельности) оно не приводило к достижению желаемых целей¹⁹. Принимавшая характер нового мессианства, вера в «развитие» оправдывала в глазах британских колониальных деятелей насильственную ломку традиционных аграрных отношений во имя обеспечения эффективности сельского хозяйства. Подобная политика наталкивалась на яростный протест: свидетельство тому — охватившее в 1950-е годы Кению восстание *May-Mau*²⁰.

Возвращаясь к реализации закона 1940 г., отметим, что результатом, с одной стороны, чрезвычайно сдержанного и осторожного подхода колониальных властей к разработке проектов в его рамках, а с другой — введенных уже в сентябре того же года в связи с тяготами

¹⁶ *Macmillan W.M.* The Road to Self-Rule. A Study in Colonial Evolution. New York, 1970. P. 212.

¹⁷ UK Parliament. Hansard. HC Debates, 21 May 1940. Col. 58–62.

¹⁸ Ibid. Col. 95–103.

¹⁹ *Хахалкина Е.В.* Африка в планах лейбористского правительства К. Эттли // Восток / Oriens. 2018. № 2. С. 83–92.

²⁰ *Cooper F.* Mau Mau and the Discourses of Decolonization. Review Article // Journal of African History. 1988. № 29. P. 313–320.

войны ограничений на финансирование программ стало отсутствие сколько-нибудь значимого прогресса в вопросе развития колоний. Такой известный апологет империи, как лорд Хэйли, активно участвовавший в разработке колониальной политики в годы Второй мировой войны, в работе «Будущее колониальных народов», изданной в 1944 г., рассматривал достижения в вопросах здравоохранения и образования в колониях как весьма скромные и неравномерные. Так, в качестве наиболее развитых британских владений с точки зрения существования систем здравоохранения он называл Цейлон и Малайю, где были даже собственные медицинские колледжи. В то же время в некоторых районах Африки практически отсутствовала возможность получения удовлетворительной медицинской помощи. Весьма скромным оставался и прогресс в области образования. Во многих колониях массовое школьное обучение только делало первые шаги, а где-то единственным образовательным институтом по-прежнему оставалась миссионерская школа. Большой акцент, согласно Хэйли, делался на вопросах развития сельского хозяйства. Внимание к ним отражал тот факт, что в колониальных администрациях было занято 450 специалистов в этой области, из которых 100 человек занимались исследованиями. К работе в этой сфере активно привлекали местные кадры. Определенный прогресс наблюдался и в вопросах улучшения условий труда²¹.

Несмотря на тяжелое финансовое положение, в котором оказалась Великобритания в годы войны, проблема развития колоний не была снята с повестки дня. Она активно обсуждалась в прессе и в парламенте. Большой резонанс вызывали статьи Марджери Перхэм, историка, публициста, автора многочисленных работ о британской Африке, писавшей о необходимости отказаться от «экономического *laissez faire*» и требовавшей более активной деятельности государства, нацеленной на преодоление отсталости колоний. Особое внимание она уделяла вопросу развития образования. Рассматривая невежество в качестве одного из основных социальных зол, препятствовавших прогрессу колоний, Перхэм со страниц *Times* призывала взять на вооружение опыт России, Китая, Турции в области образования, чтобы не растягивать процесс борьбы с безграмотностью на столетия²². В парламенте лорд Хэйли говорил о прокладывавшей себе дорогу как во внутренней, так и в колониальной политике концепции государства как проводника реформ в области социального обеспечения²³. Логичным в условиях достаточно широкого распространения подобных настроений в тех слоях общества, которые были заняты колониальной политикой, выглядело принятие в 1945 г. нового Закона о развитии и благосостоянии колоний. Он предусматривал ассигнование 120 млн ф. ст. на реализацию программ в этой сфере в течение десятилетнего периода²⁴.

При всей значимости гуманитарной составляющей законов 1940 и 1945 гг. очевидно, что приоритетом при их принятии являлись политические цели. Мероприятия в их рамках призваны были служить укреплению позиций и статуса Великобритании на международной арене. Так, в ходе дебатов по законопроекту 1940 г. риторика миссии помощи соседствовала с высказываниями о необходимости развития во имя общего блага метрополии и колоний. В выступлениях прослеживалась связь закона с идеей сплочения империи и обеспечения ее самодостаточности в неблагоприятных международных условиях²⁵. Не случайно Хэйли отмечал особые усилия Великобритании в деле поощрения развития сельскохозяйственных ресурсов колоний — именно эта задача была насущной в условиях войны.

²¹ Hailey W.M. *The Future of Colonial Peoples*. Princeton, 1944. P. 48.

²² *Times*, 13 March 1942, 14 March 1942.

²³ UK Parliament. *Hansard*. HL Debates, 6 May 1942. Vol. 122. Col. 919 // URL: <https://hansard.parliament.uk/lords/1942-05-06/debates/482bafa4-2e88-487b-b12d-032f5123ff3c/ColonialAdministration> (дата обращения: 12.05.2024).

²⁴ Morgan D.J. *The Official History of Colonial Development*. Vol. 1. *The Origins of British Aid Policy, 1924–1945*. Atlantic Highlands, 1980. P. 198–206.

²⁵ UK Parliament. *Hansard*. HC Debates, 21 May 1940. Col. 51–54.

И в 1940, и в 1945 г. Лондон оглядывался на позицию Вашингтона. Примечательно, что импульс к разработке и принятию закона 1940 г. дали волнения, прокатившиеся в 1937–1938 гг. по британским владениям в Вест-Индии, которые советник колониального ведомства по финансовым вопросам Джон Кэмпбелл назвал «до некоторой степени витриной для США»²⁶. Озабоченность потенциальным влиянием складывавшейся ситуации на отношение США к британской колониальной политике стала не последним фактором, побудившим Лондон создать комиссию по изучению социальных и экономических условий в вест-индских колониях. Выводы этой комиссии использовались М. Макдональдом для продвижения идеи принятия всеобъемлющего, не ограниченного лишь зоной Карибского бассейна, законодательства, направленного на развитие колоний²⁷. В конце войны, как подчеркивает крупный британский историк Р. Робинсон, именно озабоченность позицией США, от которых в значительной степени зависела судьба Британской империи, становилась одним из побудительных мотивов к реформам²⁸. Англичане стремились «оправдать» свою империю и продемонстрировать, что ее миссия вполне созвучна американским интересам и ценностям.

По-прежнему востребованной оставалась заметная еще у Лугарда идея Британской империи как системы, несущей «благо» не только колониальным народам, но и всему обществу развитых стран. Британский колониальный деятель откровенно признавал, «что европейский ум, капитал и энергия не были и никогда не будут расходоваться на развитие ресурсов Африки, руководствуясь мотивом чистой филантропии; что Европа находится в Африке ради взаимной выгоды ее промышленных классов и прогресса туземных рас»²⁹. О том, что рациональным интересам индустриального мира соответствует улучшение жизни населения «отсталых стран», писал в цитированной выше работе Хэйли. Не обходя вниманием положение «о священной миссии цивилизации» в обеспечении их благосостояния и развития, имевшее свои истоки в статье 22 Устава Лиги Наций, он в то же время, во многом развивая традицию, заложенную Лугардом, подчеркивал: от успешного решения этой задачи зависела возможность расширения рынков сырья и сбыта промышленных государств, а также стабильность мирового порядка. Одной из потенциальных угроз ему как на уровне отдельных стран, так и в международном масштабе Хэйли считал глубокий разрыв в жизненных стандартах между «привилегированной» и «непривилегированной» частями обществ, богатыми и бедными территориями³⁰.

В годы Второй мировой войны британские государственные деятели вынуждены были задуматься и о политическом наполнении понятия «опека». К середине XX в. стало традицией рассматривать в качестве цели действий «опекуна» подготовку владений к самоуправлению³¹. Однако именно в годы войны, когда, с одной стороны, вопрос предоставления самоуправления или даже независимости отдельным колониям перешел в практическую плоскость, а с другой — стала обсуждаться опасная для Лондона перспектива интернационализации управления колониями, появилась необходимость более детальной проработки этого вопроса.

Несмотря на очевидное присутствие апологетов сохранения империи в высших эшелонах власти, современник событий и историк У. Макмиллан, хорошо знавший колониальную политику и людей, ее проводивших, с уверенностью утверждал, что еще до завершения Второй мировой войны инициатива перешла от тех, кто пытался реформировать британское правление, к тем, кто полностью с ним покончит³². Действительно, большинство

²⁶ Цит. по: *Johnson H. The British Caribbean from Demobilization to Constitutional Decolonization // The Oxford History of the British Empire. Vol. 4. The Twentieth Century. Oxford; New York, 2001. P. 609.*

²⁷ *Ibid.* P. 608–611.

²⁸ *Robinson R. Sir Andrew Cohen: Proconsul of African Nationalism (1910–1968) // African Proconsuls. European Governors in Africa. London, 1978. P. 356.*

²⁹ *Lugard F.D. Op. cit. P. 617.*

³⁰ *Hailey W.M. Op. cit. P. 16–17.*

³¹ *Ibid.* P. 43.

³² *Macmillan W.M. Op. cit. P. 210.*

из участников выработки колониального курса вынуждены были примириться с мыслью о конечности существования Британской империи. Однако при этом на уровне Министерства колоний и колониальных администраций велись споры о методах и темпах реформ на зависимых территориях, присутствовали расхождения в прогнозах того, в какие сроки колонии смогут обрести независимость.

Отчасти различия мнений проистекали из сложности выработки общих подходов ко всем колониям без учета специфики и своеобразия каждой. В середине — второй половине 1950-х годов британские колониальные деятели будут сетовать, что в условиях развития системы коммуникаций «пожар антиколониального движения» стремительно распространялся по всем владениям, ограничивая возможности Лондона идти по пути управляемой, постепенной деколонизации, предполагавшей в числе прочего учет особенностей политического и социально-экономического развития отдельных колоний при подготовке к предоставлению независимости³³.

Однако в 1940-е годы до стремительного обвала британского колониального господства, пришедшегося на рубеж 1950—1960-х годов, было еще далеко. Лондон соблюдал осторожность даже в том, чтобы пойти на официальное признание, казалось бы, давно закрепившегося в обществе представления о самоуправлении как цели опеки. Показательно с этой точки зрения обсуждение военным кабинетом вопроса о трактовке третьего пункта Атлантической хартии, об уважении «права всех народов избирать себе форму правления» и стремлении «к восстановлению суверенных прав и самоуправления тех народов, которые были лишены этого насильственным путем»³⁴. Британские политики были обеспокоены тем, что в отдельных колониях этот пункт могут интерпретировать как обещание Лондона предоставить им полное самоуправление сразу по окончании войны. В связи с этим министр по делам Индии и Бирмы Л. Эмери и министр колоний лорд Мойн подготовили меморандумы, разъяснявшие позицию Великобритании по вопросу самоуправления. Они обсуждались на заседании военного кабинета 4 сентября 1941 г.³⁵ Если Эмери считал возможным заявить от лица правительства, что «развитие институтов самоуправления в полном объеме в рамках Британской империи было и остается декларируемой нами политикой», то Мойн возражал против такого текста. В письме Эмери он замечал, что «некоторые колонии так малы или так стратегически важны, что полное самоуправление для них, кажется, исключено»³⁶, а в своем меморандуме подчеркивал, цитируя Устав Лиги Наций, невозможность принять неограниченное право выбора для тех, кто «не может стоять на собственных ногах в суровых условиях современного мира»³⁷. В такой ситуации Черчилль предпочел уклониться от публичной дискуссии по этому вопросу. Выступая в Палате общин 9 сентября 1941 г., он отметил, что на встрече в Атлантике «мы имели в виду прежде всего восстановление суверенитета, самоуправления и национальной жизни государств и народов Европы, находящихся в настоящий момент под игом нацизма». Развитие институтов самоуправления на территории Британской империи в интерпретации премьер-министра представляло собой отдельную проблему³⁸. Категоричных, сколько-нибудь обязывающих формулировок в Лондоне старались избегать.

Осторожным было и заявление министра колоний О. Стэнли, прозвучавшее в Палате общин летом 1943 г., в разгар обсуждений возможности принятия совместной англо-американской декларации по колониальному вопросу. Не отрицая предназначения колониальной администрации, заключавшегося в том, чтобы «вести колониальные народы

³³ Lyttleton O. Op. cit. P. 337—339; Hyam R. Britain's Declining Empire. P. 266.

³⁴ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. 22 июня 1941 г. — 31 декабря 1943 г. Т. 1. М., 1944. С. 148.

³⁵ The National Archives (далее — TNA). Cab 65/19/25.

³⁶ BDEE. Series A. Vol. 1. Pt. 1. P. 167—170.

³⁷ TNA. Cab 65/19/25.

³⁸ UK Parliament. Hansard. HC Debates, 9 Sept. 1941. Vol. 374. Col. 69 // URL: <https://hansard.parliament.uk/commons/1941-09-09/debates/2376309d-cb7b-495f-a38e-d6774539c459/WarSituation> (дата обращения: 12.05.2024).

к самоуправлению в рамках Британской империи», он в то же время подчеркивал, что для успеха самоуправления необходимо «строить его на твердых социальных и экономических основаниях». Министр колоний специально отметил, что предоставление самоуправления народам, которые недостаточно подготовлены для него, не является частью британской политики³⁹.

Продолжение подобной линии прослеживается в меморандуме, который Стэнли предложил как основу для обсуждения колониального вопроса с США в 1944 г. Называя подготовку к самоуправлению одной из целей британской политики, он вместе с тем делал важные оговорки о том, что оно должно развиваться «в рамках Британского Содружества и в формах, подходящих для различных условий колониальных народов». За этими ограничениями можно усмотреть как консервативное стремление сохранить Британскую империю, так и осознание реальных проблем, которые могло повлечь за собой появление на международной арене достаточно большого количества новых государств с неустойчивой экономикой и политической системой. Не случайно Стэнли, следуя укоренившейся традиции, рассматривал вопросы британской колониальной политики в контексте глобальной ответственности Лондона⁴⁰.

Апология империи, адресованная прежде всего Вашингтону, строилась в числе прочего и на том, что именно британская администрация поддерживала институты, обеспечивавшие стабильность участия колоний в международных экономических обменах. Нисколько не акцентируя этот тезис, Лондон, по сути, позиционировал себя как проводник определенного экономического и политического порядка на зависимых территориях, выгоды от поддержания которого выходили за рамки интересов исключительно Великобритании. После окончания Второй мировой войны и в условиях зарождения и развития советско-американского антагонизма именно этот факт будет способствовать снижению англо-американских противоречий в колониальном вопросе и примирению США с существованием колониальных империй.

Наряду с фактором США, который играл большую роль в обсуждениях колониального вопроса, британские деятели во все большей степени в годы войны были вынуждены учитывать настроения в колониях. Именно это, по свидетельствам современников, вело к появлению риторики «партнерства». Так, Стэнли в цитированном выше парламентском выступлении указывал на необходимость «соединить со статусом опекуна позицию партнера»⁴¹. Еще раньше подобный тезис прозвучал из уст лорда Хэйли. В произнесенной 6 мая 1942 г. в парламенте речи он подчеркивал, что использование термина «опека» раздражает население колоний. «Если нам вообще нужно выразить [свою политику] в формуле, — продолжал Хэйли, — то пусть наши отношения будут отношениями старшего и младшего партнеров в одном предприятии и пусть будет сказано, что наш договор партнерства предполагает растущее увеличение доли, которую младшие партнеры имеют в ведении дела»⁴².

Практическим выражением идеи партнерства должно было стать все большее привлечение местного населения к вопросам управления колониями. Прежде всего это относилось к африканским владениям Великобритании. С одной стороны, такой курс был призван снизить разрушительный для Британской империи потенциал национального движения. Особенно актуальным он становился в условиях военных успехов Японии, которая в своей пропаганде изначально небезуспешно противопоставляла собственную политику империализму и расизму европейских держав. В то же время в условиях, когда основным врагом Великобритании являлась Германия, в Лондоне стремились исключить

³⁹ UK Parliament. Hansard. HC Debates, 13 July 1943. Vol. 391. Col. 48–49 // URL: <https://hansard.parliament.uk/commons/1943-07-13/debates/8aaa9fbf-b24f-4bcb-9383-bbcd70def96/ColonialAffairs> (дата обращения: 12.05.2024).

⁴⁰ BDEE. Series A. Vol. 1. Pt. 1. P. 200.

⁴¹ UK Parliament. Hansard. HC Debates, 13 July 1943. Vol. 391. Col. 48.

⁴² UK Parliament. Hansard. HL Debates, 20 May 1942. Vol. 122. Col. 1095 // URL: <https://hansard.parliament.uk/lords/1942-05-20/debates/0edd64f6-3941-4f42-af1c-e91a686dc277/ColonialWarEffort> (дата обращения: 12.05.2024).

любую возможность проведения параллелей между расизмом Третьего рейха и британской колониальной политикой. С другой стороны, решение задач экономического развития требовало увеличения управленческих кадров, чего Лондон не мог обеспечить, опираясь лишь на собственные ресурсы.

Необходимость их подготовки заставляла задуматься о развитии высшего образования в колониях. В августе 1943 г. в рамках Министерства колоний была создана соответствующая комиссия. Ее доклад, представленный в мае 1945 г., содержит важные указания на восприятие миссии колониальных университетов. Прежде всего они должны были готовить людей, способных к государственной службе и лидерству, без которых невозможен переход к самоуправлению. В университетах видели противовес влиянию расовых различий и межплеменной вражды, т.е. всего того, что, по мнению членов комиссии, являлось препятствием на пути создания политических институтов на национальной основе. В то же время они должны были, «сохраняя и совершенствуя все лучшее, что есть в местных традициях и культурах, дать возможность воспитанным в этих традициях и культурах войти на равных в мировое интеллектуальное сообщество»⁴³.

Хотя необходимость движения по пути расширения возможностей для самоуправления колоний признавалась, вопрос о том, какой должна быть модель политического развития для колониальных народов, оставался открытым. Показательно с этой точки зрения обсуждение будущего Африки, которое проходило по инициативе министра колоний М. Макдональда с участием представителей колониального ведомства и экспертов в отеле Карлтон 6 октября 1939 г. Одна из затронутых тем, которая не потеряет своей актуальности и в последующее десятилетие, — целесообразность сохранения системы «косвенного управления», идейным отцом которой считают Лугарда. Ее суть состояла в опоре на туземные институты власти, основанные на племенной, клановой, общинной организации в осуществлении местного управления. Практиковавший такой подход еще в период своего управления Нигерией в начале XX в., Лугард оставался его приверженцем и в конце 1930-х годов. В ходе совещания 1939 г. он прямо заявил, что парламентская модель не подходит для Африки. За то, чтобы опираться на туземные институты как более соответствующие племенной организации африканского общества, выступала и Перхэм. На уровне же государств, которые, по ее словам, искусственно создавали британцы, они могли столкнуться в борьбе за власть с претензиями нарождающейся и быстро обретающей политическое сознание африканской интеллигенции. Ее, как полагала Перхэм, следовало держать на расстоянии от государственной системы, сделав вместо этого акцент на политическое образование (political education) «туземных властей»⁴⁴.

Разумность следования такой схеме подвергали сомнению некоторые деятели колониального ведомства. Они скорее верили в универсальность парламентских институтов и были готовы вовлекать местную интеллигенцию в задачи управления, чтобы не повторить опыт Индии, где, по словам советника министра колоний по вопросам образования А. Мэйхью, значительная часть проблем проистекала именно из-за пренебрежения ее устремлениями. Мэйхью не верил в возможность «удержать образованного африканца в рамках, обозначенных для него антропологами и испытывающими политическую невозможность администраторами»⁴⁵.

При всей привлекательности опоры на туземные власти для удержания британского влияния связанное с таким подходом замораживание фрагментации африканских территорий и существовавшего экономического уклада противоречило задачам повышения эффективности использования их ресурсов, которые, как полагали в Лондоне, надо было решать не только в африканских, но и прежде всего в британских интересах. Этот аргумент во многом стал ключевым для лейбористского правительства К. Эттли. Демократизация

⁴³ Morgan D.J. Op. cit. P. 108–109.

⁴⁴ BDEE. Series A. Vol. 1. Pt. 1. P. 296–300.

⁴⁵ Ibid. P. 302–303.

местных институтов, влекущая за собой ослабление влияния туземных вождей, была заявлена в качестве политики колониального ведомства его главой Крич Джонсом в 1947 г. Достижение колониями самоуправления рисовалось как перспектива, способная реализоваться в рамках жизни одного поколения⁴⁶. Важнейшей целью, сохранявшейся на протяжении этого времени британской опеки, становилась подготовка местных лояльных метрополии кадров для участия в управлении. Таким образом, Лондон пытался обеспечить удержание своего влияния при передаче власти.

Этот универсальный подход неизбежно приобретал свою специфику на разных африканских территориях. Так, вопрос о политическом развитии Центральной и Восточной Африки осложнялся тем, что на территории британских владений в этих регионах проживало значительное число белых поселенцев. Хотя еще в 1923 г. правительство декларировало приоритетность защиты интересов коренных жителей Африки в случае конфликта с интересами иммигрантов⁴⁷, в реальности Лондон не мог не считаться с экономическим весом и политическими возможностями белого сообщества. Особую остроту межрасовые конфликты приобрели в 1950-е годы. Их обсуждение в Лондоне свидетельствовало о живучести представлений о белых меньшинствах в Африке как носителях высокой британской культуры, противостоявших массам необразованных дикарей⁴⁸. Приглушенные в годы войны, они вновь приобрели популярность после ее окончания. Так, в связи с волнениями в Ньясаленде в 1959 г. лорд Милвертон говорил о борьбе западной цивилизации с «полудиким регрессом»⁴⁹, а затем настаивал на привилегированном политическом положении белого населения в Кении как расы, имевшей долгую традицию ответственного самоуправления и талант к его осуществлению⁵⁰. Вместе с тем эти положения перестали быть догмой. Характерно, что в первом из упомянутых выше выступлений Милвертон, убеждая своих коллег со всей серьезностью отнестись к тезису о борьбе цивилизаций, к своему ужасу констатировал, что даже среди членов Палаты лордов есть те, кто «твердо встал на сторону полудикого регресса».

Это не означало, что характерное для идеологии «цивилизаторской миссии» ощущение превосходства сходило на нет, но оно утрачивало фундамент в виде британской мощи, которая позволяла в большинстве случаев не оглядываться на международную обстановку и ситуацию в колониях. Наиболее проницательные политики и колониальные администраторы осознали наступление новых условий еще в годы войны. Так, в июне 1942 г. губернатор Уганды Ч. Дандас писал о необходимости предвидеть будущее и готовиться к нему. В противном случае, по его словам, «существует опасность того, что отсталыми окажутся не африканцы, а мы сами, и что наши взгляды и методы будут основываться на предпосылках, которые давно оторвались от действительности»⁵¹.

Выдвижение программ, призванных содействовать развитию и благосостоянию колониальных владений, принятие курса на управляемую деколонизацию преследовали цель предотвращения такой опасности. Являясь частью политики, направленной на поддержание позиций и сохранение влияния Великобритании в мире, эти меры вместе с тем встраивались в традиционные представления британских государственных деятелей о «цивилизаторской миссии», придавая им новое содержание.

⁴⁶ Robinson R. Op. cit. P. 357–358.

⁴⁷ Hyam R. Bureaucracy and “Trusteeship” in Colonial Empire // Oxford History of the British Empire. Vol. 4. P. 269; Murphy Ph. Introduction // BDEE. Series B. Vol. 9. Central Africa / ed. Ph. Murphy. Pt. 1. Closer Association, 1945–1958. London, 2005. P. xxxv.

⁴⁸ Murphy Ph. Op. cit. P. xlvi.

⁴⁹ UK Parliament. Hansard. HL Debates, 24 March 1959. Vol. 215. Col. 323 // URL: <https://hansard.parliament.uk/lords/1959-03-24/debates/50052d19-2a6a-400f-81aa-ae0edc02141e/UnrestInNyasaland> (дата обращения: 12.05.2024).

⁵⁰ UK Parliament. Hansard. HL Debates, 1 December 1959. Vol. 219. Col. 1049–1050 // URL: <https://hansard.parliament.uk/lords/1959-12-01/debates/ee3837c2-1d20-4b9c-a8cc-0026b260e9c3/TheSituationInKenya> (дата обращения: 12.05.2024).

⁵¹ Цит. по: Pearce R.D. The Turning Point in Africa: British Colonial Policy 1938–1948. London, 2005. P. 36.

Библиография / References

Малкин С.Г., Буранок С.О., Левин Я.А., Нестеров Д.А. Колониальное знание в постколониальную эпоху: историческое моделирование асимметричных конфликтов. Т. 1. Историческое моделирование асимметричных конфликтов в эпоху «холодной войны». Самара, 2019.

Мирзеханов В.С. Идеологические тренды европейской колонизации в 1920-е – 1930-е годы // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2023. Т. 14. Вып. 10 (132). URL: <https://history.jes.su/s207987840028764-9-1/> (дата обращения: 12.05.2024). DOI: 10.18254/S207987840028764-9

Хахалкина Е.В. Африка в планах лейбористского правительства К. Эттли // Восток / Oriens. 2018. Вып. 2. С. 83–92.

Khakhalkina E.V. Afrika v planakh leyboristskogo pravitel'stva K. Attlee [Africa in the plans of the Clement Attlee Government] // Vostok / Oriens. 2018. № 2. S. 83–92. (In Russ.)

Malkin S.G., Buranok S.O., Levin Ja.A., Nesterov D.A. Kolonial'noe znanie v postkolonial'nyu epokhu: istoricheskoe modelirovanie asimmetrichnykh konfliktov [Colonial Knowledge in the Postcolonial Era: Historical Modelling of Asymmetrical Conflicts]. Vol. 1. Istoricheskoe modelirovanie asimmetrichnykh konfliktov v epokhu "kholodnoy voyny" [Historical Modelling of Asymmetrical Conflicts in the Cold War Era]. Samara, 2019. (In Russ.)

Mirzekhanov V.S. Ideologicheskie trendy evropeyskoy kolonizatsii v 1920-e – 1930-e gody [Ideological Trends in European Colonisation in the 1920s – 1930s] // Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal "Istoriya" [Electronic scientific and educational Journal "History"]. 2023. Vol. 14. № 10 (132). URL: <https://history.jes.su/s207987840028764-9-1> (access date: 12.05.2024). DOI: 10.18254/S207987840028764-9 (In Russ.)

Bourke R. Liberty, Authority, and Trust in Burke's Idea of Empire // Journal of the History of Ideas. 2000. Vol. 61. № 3. P. 453–471.

British Documents on the End of Empire. Series A. Vol. 1. Imperial Policy and Colonial Practice 1925–1945 / eds S.R. Ashton, S.E. Stockwell. Pt. 1. Metropolitan Reorganisation, Defence, and International Relations, Political Change and Constitutional Reform. London, 1996.

Colonial Development and Welfare Act, 1940 // URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1940/40/pdfs/ukpga_19400040_en.pdf (access date: 12.05.2024).

Cooper F. Mau Mau and the Discourses of Decolonization. Review Article // Journal of African History. 1988. № 29. P. 313–320.

Hailey W.M. The Future of Colonial Peoples. Princeton, 1944.

Hyam R. Britain's Declining Empire: the Road to Decolonisation, 1918–1968. Cambridge, 2006.

Hyam R. Bureaucracy and "Trusteeship" in Colonial Empire // The Oxford History of the British Empire. Vol. 4. The Twentieth Century. Oxford; New York, 2001. P. 255–279.

Johnson H. The British Caribbean from Demobilization to Constitutional Decolonization // The Oxford History of the British Empire. Vol. 4. The Twentieth Century. Oxford; New York, 2001. P. 597–622.

Knowles A. Conjecturing Rudeness: James Mill's Utilitarian Philosophy of History and the British Civilizing Mission // Civilizing Missions in Colonial and Postcolonial South Asia: From Improvement to Development. London; New York, 2011. P. 37–63.

Louis Wm.R. Imperialism at Bay, 1941–1945: the United States and Decolonization of the British Empire. Oxford, 1977.

Lugard F.D. The Dual Mandate in British Tropical Africa. Edinburgh, London, 1922.

Lyttleton O. The Memoirs of Lord Chandos: an Unexpected View from the Summit. New York, 1963.

Macmillan W.M. The Road to Self-Rule. A Study in Colonial Evolution. New York, 1970.

Mill J. The History of British India. Vol. 1–3. London, 1817.

Morgan D.J. The Official History of Colonial Development. Vol. 1. The Origins of British Aid Policy, 1924–1945. Atlantic Highlands, 1980.

Murphy Ph. Introduction // British Documents on the End of Empire. Series B. Vol. 9. Central Africa / ed. Ph. Murphy. Pt. 1. Closer Association, 1945–1958. London, 2005. P. XXVII–CXVI.

Pearce R.D. The Turning Point in Africa: British Colonial Policy 1938–1948. London, 2005.

Pitts J. A Turn to Empire: the Rise of Imperial Liberalism in Britain and France. Princeton, 2005.

Robinson R. Sir Andrew Cohen: Proconsul of African Nationalism (1910–1968) // African Proconsuls. European Governors in Africa. London, 1978. P. 353–373.

The Speeches of the right honourable Edmund Burke, in the House of Commons, and in Westminster Hall. Vol. II. London, 1816.

Watt C.A. Introduction: The Relevance and Complexity of Civilizing Missions c. 1800–2010 // Civilizing Missions in Colonial and Postcolonial South Asia: From Improvement to Development. London; New York, 2011. P. 1–34.

Zimmer A. The Third British Empire being a course of lectures delivered at Columbia University. New York; London, 1926.